

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы¹

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодёжи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 1. С. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

For citation: Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest among young people of generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2022, Vol. 13. No. 1. P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Марин Егор Борисович^{1, 2, 3}

¹Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

³Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

egor-marin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 377935

Аннотация. В ходе исследования была проведена реконструкция представлений респондентов о пяти формах коллективного протестного поведения: петиции, митинге, забастовке, бунте и восстании с применением частного семантического дифференциала (СД) для оценки протеста. Полученные сырые данные СД были обработаны с применением метода факторного анализа, а также с применением методики расчёта семантических универсалий. Метод факторизации позволил выявить внутреннюю имплицитную структуру данных, редуцировав большой объём информации до нескольких факторов. Семантические универсалии представляют собой согласованные в группе оценки стимула по шкалам СД, что отражает общие для респондентов представления о стимуле.

В статье представлен анализ категориальных структур протестного сознания двух поколений молодёжи, чья активность играет особую роль в протестных акциях: представителей поколения «Y» (или миллениалов) и представителей поколения «Z» (или центениалов).

Метод факторного анализа позволил выявить актуальные для групп молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» три интегральные оси (шкалы) оценивания различных форм протестной активности. Данные шкалы опосредуют формирование отношения молодёжи к протесту. Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и содержания имплицитных субъективных шкал оценивания различных форм протеста молодёжью позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики. Анализ содержания представлений

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31-518 «Семантика протестного сознания и формы протестной активности российской молодёжи в контексте новых угроз безопасности Российской Федерации»

о протестных формах показал безусловно положительное отношение молодёжи к петиции и митингу. Эти формы протестной активности согласованно оценивались положительно во всех выборках. Образ забастовки в основном положительный, но есть особенности восприятия в разных регионах. Образ насильственных радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности. Прежде всего, эти формы в наибольшей степени воспринимаются как сильные и активные среди всех форм протеста. Также молодёжь высоко оценивает их масштабность («большие»). Эти формы, кроме того, согласованно оцениваются как непривлекательные и некрасивые. Также молодёжь всех выборок считает их крайне агрессивными. Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал амбивалентность содержания образов бунта и восстания. Респонденты в трёх выборках из четырёх считают их не чужими, не бессмысленными и не лицемерными. Для молодёжи это обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и непривлекательные, но не чужие и не бессмысленные формы протеста.

Ключевые слова: протест, политическое сознание, психосемантика, Дальний Восток, Москва, молодёжь, поколение «Y», поколение «Z»

Актуальность

Одним из наиболее значимых процессов, наметившихся в российском обществе последних лет, является выход на арену социальной и политической жизни молодых поколений, активных и амбициозных, быстро приобретающих опыт политической деятельности, выражения своей гражданской позиции. Поколения «Y» (или миллениалы, родившиеся в период 1982–2000 гг.) и «Z» (или центениалы, годы рождения которых начинаются с 2001 и далее) ещё мало изучены как политические акторы и являются фактором X в политическом пространстве России. И одним из наиболее динамичных направлений их активности является активность протестная.

В настоящей работе предпринимается попытка анализа структурно-содержательных характеристик протестного сознания молодёжи поколений «Y» и «Z». Протестное сознание включает все формы отражения сферы протестных явлений в сознании субъектов. Общественное сознание отражает протестные явления в форме представлений, взглядов, чувств и эмоций, общественных настроений. В отношении политического сознания протестное сознание является его частью.

Изучение их протестного сознания необходимо для адекватного прогнозирования их активности, предотвращения и разрешения конфликтов, выстраивания диалога между властью и гражданским обществом.

Изученность темы

Представления о политических, в том числе протестных, феноменах рассматриваются в рамках нескольких направлений.

В нашей стране наиболее активное изучение протестности ведётся российскими социологами. В рамках социологических исследований раскрывается социальная обусловленность протестного поведения.

Анализу проблем современной российской протестности посвящены работы В. А. Артюхиной [2], О. Ю. Гараниной [7], Р. Х. Салахутдинова [19], О. И. Габа [6], Ю. А. Акуниной [1].

Изучению особенностей протестного сознания и протестного поведения молодёжи посвящены работы Г. В. Барановой [3], Ю. А. Красина, Д. В. Волкова [5], М. М. Назарова [11], Е. Н. Соломатиной [23] и др. Одним из перспективных направлений изучения молодёжи является поколенческий подход, применяемый во всё большем количестве исследований [17].

В некоторых работах предпринимается попытка междисциплинарного анализа проблемы молодёжного протеста. Так, О. И. Габа выделяет в протестном поведении субъективный (психологический) и объективный факторы (социально-политические условия). Среди наиболее значимых причин протестной активности молодёжи он называет завышенные притязания молодёжи к себе и окружающим, осознание невозможности самореализации в полной мере, внешние социальные и политические условия [6, с. 148].

В целом применение традиционных социологических методов и подходов дало возможность выявить многие характеристики протестного поведения и обуславливающие его причины.

Образы политических объектов, особенности восприятия политических явлений изучаются в рамках политической психологии. Крупным центром политической психологии и социологии в нашей стране является кафедра социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Е. Б. Шестопал [25; 26], А. Л. Зверев и И. С. Палитай [8], С. В. Нестерова [24] провели ряд продуктивных исследований и разработали свою методологию изучения образов политических феноменов. В рамках данной школы в образе политических объектов принято выделять рациональный и бессознательный компоненты, применяя для анализа этих явлений сочетание социологических, психологических и политологических методик и интерпретаций.

Формирование механизмов коллективного протестного поведения изучалось в контексте различных социально-психологических направлений. Можно упомянуть теорию относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [28]. К более новым относится модель коллективной активности, основанной на социальной идентичности, описанная в работах Мартина ван Зомерена с соавторами [29].

Модель ван Стакельберга (Штакельберга) описывает коллективное протестное поведение как реакцию группы на обиду, в которой интегрирующую роль играет процесс идентификации [32; 33].

В работах Каманса [35], а также Райта и Мохаддама [34] была выявлена зависимость путей осуществления протеста от мотивирующих протестное поведение эмоций.

Внимание исследователей было обращено и на роль современных социальных сетей в протестной мобилизации. В работах Кладерманса [31] и МакКлурга [30] было показано, как социальные сети становятся ресурсом для объединения недовольных.

Таким образом, особенностью социально-психологических моделей протестной активности является изучение формирующих протест коллективных психологических механизмов.

Кроме социологических методов начиная с 1990-х гг. в нашей стране для исследования политического сознания стали применяться методы психосемантики. Так, В. Ф. Петренко и О. В. Митина разработали свой подход к изучению политического менталитета методами психосемантики [15; 16]; ими было описано семантическое пространство политических партий [14], а также имидж государства и политических лидеров [12; 13].

Методы

В проведённом нами в 2020 г. исследовании протестного сознания и форм протестной активности молодёжи Дальнего Востока и Москвы применялась мультимодальная методология. В опросе использовались социологическая анкета для изучения политического и протестного участия, специализированный семантический дифференциал для оценки протеста и ассоциативная методика. Под политическим участием понимаются действия граждан с целью повлиять на функционирование политической системы и формирование политических решений, например электоральное поведение, участие в деятельности политических партий и движений. Протестное участие является разновидностью политического участия и предполагает участие в разных формах протестной активности, таких как митинги, перекрытие дорог, забастовки и т. д.

Методика семантического дифференциала (СД) предполагает, что респонденты оценивают каждую из предложенных форм протеста по предложенному в бланке СД набору характеристик, используя шкалу от 1 до 7.

В данной статье анализируются данные семантического дифференциала для оценки протеста.

Статья посвящена реконструкции представлений двух поколений молодёжи об основных формах социального протеста, выполненной с применением психосемантического подхода. Данный подход включает такие методы изучения психических явлений, которые позволяют изучить индивидуальные и групповые системы значений и смыслов и установить связи между ними.

Характеристика содержания и методики применения методов психосемантики представлена в работах В. Ф. Петренко [12], В. П. Серкина [20; 22] и А. Г. Шмелёва [27].

В ходе исследования была проведена реконструкция представлений респондентов о пяти формах коллективного протестного поведения: петиции, митинге, забастовке, бунте (стихийное массовое насильственное выступление против власти или её действий) и восстании (организованное выступление тех или иных социальных групп против политической власти, с целью её свержения), с применением частного семантического дифференциала для оценки протеста.

Респондентам было предложено оценить эти формы протеста с использованием методики семантического дифференциала (СД). СД представляет собой набор шкал, используемых для выявления субъективных представлений испытуемых. Нами был составлен рабочий вариант СД для оценки протеста, включающий 20 шкал. За основу был взят пилотажный вариант СД, который был применён нами чуть ранее [10].

Полученные исходные данные СД были обработаны с применением факторного анализа и методики расчёта семантических универсалий. Факторизация данных была проведена в программе СПСС 21 по методу главных компонент (Extraction Method: Principal Component Analysis. Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization).

Метод факторизации позволяет выявить внутреннюю имплицитную структуру данных, редуцировав большой объём информации до нескольких факторов. Особенностью факторов является устойчивая корреляция между несколькими шкалами СД, что позволяет описывать каждый фактор как интегральную категорию оценивания стимула. Если такая категория применяется при оценивании однородных явлений устойчиво, то она является неслучайной и отражает структуру мышления респондентов.

Кроме того, для обработки этих же данных СД была применена методика семантических универсалий, разработанная известным московским психологом Е. Ю. Артемьевой. Семантической универсалией называется список выделенных для данного стимула координат, одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых [21]. Метод позволяет выявить согласованные в группе оценки стимула по шкалам СД, что отражает общие для респондентов представления о стимуле. Расчёт семантических универсалий по методу Е. Ю. Артемьевой позволил определить согласованные характеристики различных форм протестной политической активности.

В качестве стимулов предлагались формы протестного поведения, то есть молодёжь оценивала обобщённый образ протестных форм. Целью данной работы было не столько определить уровень протестной готовности и отношение к конкретным протестным событиям, сколько выявить имплицитную категориальную структуру оценивания протеста в целом.

Выборка

Опрос проходил в августе – начале декабря 2020 года на Дальнем Востоке и в Москве. Всего в исследовании принял участие 1241 респондент в возрасте от 15 до 30 лет, из них 56,2% – женщины. Две трети респондентов проживают на Дальнем Востоке России (в опросе участвовали представители всех регионов Дальнего Востока: Приморского, Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краёв, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Республик Бурятия и Саха (Якутия), Чукотского автономного округа), одна треть – в Москве и Московской области. Выборка формировалась методом доступных случаев.

В соответствии с поколенческим подходом [18] выборка была поделена на две группы.

А. Поколение «Z» или центениалы: респонденты в возрасте от 15 до 19 лет, всего 748 наблюдений. 453 человека – представители Дальнего Востока, 295 человек – Москвы и Московской области. 55,5% – женщины. По социальному составу – школьники старших классов и студенты младших курсов.

Б. Поколение «Y» или миллениалы: 493 человека, возраст – от 20 до 30 лет. Из них 378 человек – представители Дальнего Востока, 115 – Москвы и области. 57,4% – женщины. По социальному составу это студенты, магистранты и работающие молодые люди.

Основной задачей опроса было изучить протестное сознание молодёжи Дальнего Востока, также была поставлена задача сравнить протестное сознание молодёжи Дальнего Востока и Москвы. При этом фактически полученная в Москве выборка оказалась меньше дальневосточной. На это повлияли такие факторы, как эпидемическая ситуация (опрос в Москве проводился осенью 2020 г.), а также насторожённость администрации учебных заведений по поводу целей данного опроса. Тем не менее полученные по Москве данные ввиду их новизны представляют интерес.

Фактор «Интеллектуальности и честности»

С применением факторного анализа данных семантического дифференциала (СД) были выявлены три общих фактора (категории) оценивания протеста (табл. 1).

Первую категориальную структуру протестного менталитета мы обозначили как фактор «Интеллектуальности и честности». Он встречается во всех реконструкциях без исключения, соответственно его структура отражает важную «ось» оценивания протеста молодёжью.

Таблица 1 (Table 1)

Общие факторы оценивания протеста респондентами

General factors of protest assessment by respondents

№	Наименование фактора
1	Фактор «Интеллектуальности и честности»
2	Фактор «Лицемерия и корыстности»
3	Фактор «Силы и агрессивности»

При оценивании протеста как для поколения «Z», так и для поколения «Y», наиболее важны такие его характеристики, как честность и интеллектуальность. При оценивании разных форм протеста респондентами, тесно связанными оказались такие дескрипторы СД, как «честный» и «интеллектуальный». Это означает, что при математической обработке данных СД выявились устойчивые корреляции оценки стимулов респондентами по данным характеристикам.

Это верно для молодёжи и Дальнего Востока, и Москвы. Связь этих двух характеристик, вероятно, неслучайна. На глубинном уровне сознания понятия интеллектуальный (разумный, осмысленный, обладающий развитым интеллектом) и честный оказались тесно связаны.

Как можно предположить, оцениваемый как интеллектуальный протест вызывает больше доверия у молодых людей. Возможна и обратная связь.

Такие признаки, как интеллектуальный и честный, для молодёжи поколения «Z» (как Дальнего Востока, так и Москвы) в высокой степени коррелируют с такими характеристиками, как привлекательный и красивый.

Дескрипторы «привлекательный» и «красивый» являются маркерами классической шкалы оценки Ч. Осгуда; их наличие в факторе позволяет говорить о положительной оценочной оставляющей, а именно, означает привлекательность «умного» и «честного» протеста для молодёжи этого возраста.

У поколения «Y» и поколения «Z» московской выборки фактор «Интеллектуальности и честности» включает в себя два семантических ядра: ведущее семантическое ядро включает дескрипторы интеллектуальный и честный (имеющие максимальную факторную нагрузку); второе семантическое ядро составляют дескрипторы свободный, справедливый и открытый.

При этом фактор «Интеллектуальности и честности» включает и дескрипторы классической триады Ч. Осгуда «оценка-сила-активность».

Категории интеллектуальности и честности у поколения «Y» коррелируют с категориями справедливости и свободы. Это проявилось во всех проведённых нами реконструкциях на материалах поколения «Y» без исключения. Это означает, что для более взрослого поколения «Y», эти категории являются очень важными. Вероятно, также это поколение шире осмысляет протест. Честный и интеллектуальный протест рассматривается как справедливый и свободный.

Такое сочетание дескрипторов в факторе позволяет предположить, что стиль «интеллектуальности» и честности-открытости в поведении организаторов и участников протестных акций будет восприниматься молодёжью всех изученных нами групп безусловно положительно и будет фактором формирования доверия к этим акциям.

И наоборот, запрет на участие в протесте со стороны, например, родителей или школы-вуза может быть проинтерпретирован представителем молодёжной аудитории как маркер ограничения их личной свободы и вызвать обратную реакцию, увеличивая доверие и интерес к мероприятию.

Фактор «Лицемерия и корыстности»

Следующая ключевая ось оценивания акций протеста отражена в факторе «Лицемерия и корыстности». Данный фактор присутствует также у всех выборок как поколения «Z», так и поколения «Y».

В составе фактора присутствуют такие шкалы, как «корыстный», «лицемерный», «коррупцированный» и «чужой».

Его присутствие во всех реконструкциях означает высокую значимость этих категорий. Для молодёжи важно, есть ли у протестных акций признаки личной заинтересованности организаторов или самих участников такие отрицательные черты, как корыстность и лицемерие. С этими двумя качествами также тесно коррелирует такая характеристика, как «коррупцированный». Это логично, поскольку коррупция и основана на мотиве обогащения в обход норм и закона.

Три эти характеристики – лицемерие, корыстность и коррупцированность – в сознании респондентов, как можно увидеть, устойчиво взаимосвязаны. Как можно предположить, при такой устойчивой связи этих категорий они будут влиять друг на друга. Протестную акцию, оцениваемую как лицемерную, молодые люди, вероятно, будут склонны воспринимать как корыстную по своей сути, и наоборот. Наличие признаков корыстности и обмана даст основание подозревать лидеров протеста в коррупцированности и оценивать саму протестную акцию негативно (агрессивная, страшная) или обесценивать её (характеризовать протест как бессмысленный). В восприятии молодёжи эти качества делают протест «чужим». Характеристика «чужой» является в общественном сознании маркером непривлекательности, антонимом характеристики «свой» в семантической оппозиции «свой — чужой».

Если учитывать особенности реконструкций, то для обеих выборок Москвы и для поколения «Y» Дальнего Востока корыстность и лицемерие делают протест бессмысленным. Коррупцированный протест для молодёжи лишён смысла как такового.

Фактор «силы и агрессивности»

Третья общая «ось» оценки протеста представлена фактором «Силы и агрессивности». Он реконструирован на трёх выборках: поколение Z – Дальний Восток, поколение «Y» – Дальний Восток и поколение «Y» – Москва.

Фактор состоит из сочетающихся дескрипторов классической триады Ч. Осгуда. Дескрипторы сильный, твёрдый и большой являются маркерами фактора «силы»; активный и быстрый – фактора активности, а агрессивный и злой – фактора оценки. Сочетание этих дескрипторов позволяет говорить о применимой к оценке протестных явлений интегральной шкалы «силы и агрессивности».

Входящие в фактор «Силы и агрессивности» категории, такие как сильный, большой и твёрдый, отражают силу и масштабы протестного процесса. При этом характеристики силы и размера тесно взаимосвязаны с такими шкалами, как агрессивный и злой. Можно предположить, что сила и размах могут быть и пугающими, возможно из-за неконтролируемого характера, а также из-за последствий.

У представителей поколения Y как Москвы, так и Дальнего Востока в состав фактора входит шкала «злой», и фактор приобретает значение «злой силы».

При ряде ограничений процедуры факторизации в анализируемой факторной структуре появляются дополнительные дескрипторы, позволяющие говорить об амбивалентности оценки различных форм протеста молодёжью по этой интегральной шкале. С одной стороны, чем сильнее, больше и активнее протест, тем более злым и агрессивным он видится представителям молодёжных групп. С другой стороны, несмотря на наличие негативных характеристик (агрессивный, злой и даже страшный), у некоторых исследуемых групп (например, поколение Z московской молодёжи) в структуре данного фактора появляются такие дескрипторы, как справедливый, открытый и свободный. Можно предположить, что молодёжь имплицитно чувствует связь между увеличением размера и масштаба протеста с его агрессивностью и злостью; но одновременно такой нарастающий по силе и масштабу протест становится более привлекательным для молодёжи справедливостью и свободой.

Таким образом, можно отметить практически полную идентичность полученных категорий протестного менталитета внутри одного поколения для Дальнего Востока и Москвы. То есть молодёжь разного возраста, проживающая в разных регионах, мыслит общими категориями. Однако между поколениями при совпадении основных характеристик есть особенности.

Представление о петиции

Далее мы представим качественный анализ результатов расчёта семантических универсалий (общее по всей выборке).

Расчёт семантических универсалий по методу Е. Ю. Артемьевой позволил выявить согласованные характеристики различных форм протестной политической активности. Семантические универсалии представляют собой согласованные в группе представления о стимуле, в качестве стимулов выступали формы протеста. Расчёт семантических универсалий проводится на основе данных семантического дифференциала. Этот метод даёт возможность выявить общие представления респондентов об изучаемом явлении, в данном случае о формах протестной активности.

Сами таблицы универсалий по каждому стимулу мы не приводим, чтобы не перегружать текст.

Выявленные посредством расчёта семантических универсалий устойчивые черты разных форм протеста позволяют дать им абсолютные оценки, а не только выявить актуальные категории оценивания этих явлений, получаемые при факторном анализе данных. Тем самым результаты расчёта семантических универсалий дополняют результаты факторного анализа.

Было определено, как молодёжь оценивает такую форму протеста, как петиция. Поясним, что петиция (от лат. *petition* – запрос) – это коллективное обращение (требование, запрос, прошение) к органам власти.

Петиция воспринимается представителями обоих поколений молодёжи Дальнего Востока и Москвы практически идентично. Представителями обоих поколений она согласованно оценивается как честная, свободная, открытая и справедливая (высокая степень положительного отношения).

Поколение «Y» Дальнего Востока рассматривает её также как «интеллектуальную». Соответственно, по фактору «интеллектуальности и честности» она оценивается положительно.

Кроме того, петиция во всех выборках рассматривается как не корыстная, не коррумпированная, а также не злая и не агрессивная (в представлении респондентов для стимула не свойственны отрицательные характеристики). Кроме того, молодёжь Москвы поколения «Y» и поколения «Z» оценивает петицию как «не страшную».

Это означает, что по факторам силы и агрессивности, а также лицемерия и корыстности она будет оцениваться молодёжью обоих поколений отрицательно.

Можно сказать, что образ такой формы протеста и волеизъявления, как петиция, привлекателен для молодёжи обоих поколений. В сознании молодёжи разных регионов она имеет целиком положительный имидж. Отсутствие негативных коннотаций в образе этой формы позволяет говорить о доверии респондентов к ней. Как можно предположить, молодёжь обоих поколений легко поддержит подписание петиций протестного характера.

Можно отметить, что возможность выдвижения коллективных общественных обращений к органам власти разных уровней предусмотрена Указом Президента России № 183 от 4 марта 2013 г. Выдвижение обращений осуществляется в форме общественных инициатив с помощью интернет-платформы «Российская общественная инициатива». Там же можно подписать обращение (инициативу). Если она набирает 100 000 голосов, её обязаны рассмотреть федеральные органы власти. Среди выдвинутых инициатив были и предложения от «Фонда борьбы с коррупцией» Навального. Данная платформа пока известна далеко не всем.

Более известным ресурсом общественных обращений является сайт петиций «Change.org». В отличие от первой, это неофициальная площадка (органы государственной власти не обязаны рассматривать размещённые на ней петиции), однако её популярность и широкое обсуждение в СМИ придаёт петициям силу общественного мнения.

Восприятие митинга как формы протеста

Образ митинга как формы протеста схож у обоих поколений, но имеет и различия.

В представлении молодёжи обоих поколений как Дальнего Востока, так и Москвы митинги не связываются с корыстностью, коррупцией и лицемерием. Это означает, что по оси «лицемерия и корыстности», применяемой для оценивания протеста, митинг с высокой долей вероятности будет оценён положительно. Митинг оценивается обеими группами как более активный, чем петиция. Оба поколения оценивают его как «открытый».

Во всех четырёх выборках митинг оценивается как «не чужой». Это означает, что при определённых условиях молодёжь может включиться в данную форму активности.

При этом из списка дескрипторов семантической универсалии стимула «митинг» (в сравнении с характеристиками петиции) исчез ряд характеристик. Так, молодёжь уже не оценивает митинг как не агрессивный, не злой и не страшный. Молодые люди осознают более сильную и неоднозначную энергетику этой формы протеста.

Восприятие данной формы протеста имеет внутри поколений почти идентичный характер в Москве и на Дальнем Востоке. А вот между поколениями есть важные различия.

Представителями младшего поколения «Z» Дальнего Востока и Москвы митинг, как и петиция, рассматривается как свободный и честный. У представителей поколения «Y» обоих регионов таких оценок нет. При этом для поколения «Y» двух регионов митинг согласованно оценивается как «не красивый», то есть в его образе появляется одна отрицательная характеристика.

Соответственно, есть существенные различия в восприятии митингов двумя поколениями: если младшее поколение «Z» склонно безусловно положительно воспринимать и в какой-то мере идеализировать митинги (воспринимая их как честную, свободную и активную форму волеизъявления), то старшее поколение оценивает их более сдержанно. Меньшее количество согласованных оценок в старшей группе свидетельствует о неоднозначности восприятия данной формы протеста в ней.

В целом можно резюмировать, что молодёжь относится к митингу более настороженно, но, тем не менее, положительно. Более старшие поколения воспринимают эту форму протеста амбивалентно, осознавая не только позитивный, но и агрессивный её потенциал. Юное поколение «Z» воспринимает митинги более идеалистично.

Представление о забастовке

В восприятии такой формы протеста как забастовка, между поколениями и регионами выявлены существенные различия.

Проанализируем сначала представление о забастовке представителей двух поколений. К общему в представлении об этой форме протеста молодёжи двух поколений можно отнести то, что забастовка не воспринимается как лицемерная и коррумпированная. Кроме того, оба поколения оценивают её как активную и большую.

В остальном образ забастовки у представителей двух поколений различается. Молодёжь поколения «Z» воспринимает забастовки позитивно, а представители поколения «Y» – более неоднозначно. Молодёжь поколения «Z» считает забастовку открытой, справедливой и свободной, но уровень выраженности этих качеств оценивается как не очень высокий (4 балла из 7 возможных при оценке шкал СД). Забастовка стереотипно воспринимается как честная, но и в этом случае уровень выраженности оценок невысокий.

Проведём сопоставление семантических универсалий с данными факторного анализа. Наличие дескриптора «честный» в составе семантической универсалии стимула «забастовка» позволяет говорить о том, что по фактору «Интеллектуальности и честности» забастовка будет оцениваться положительно.

В целом, у поколения «Z», оценки для этой формы протеста имеют тенденцию к среднему, то есть её образ положительный, но не яркий. Вероятно, она менее актуальна и привлекательна для молодёжи этого поколения, чем митинг. Для молодых людей такая форма протеста, как забастовка хорошо известна, но ассоциируется скорее с протестом рабочих.

Если восприятие забастовки поколением «Z» Москвы и Дальнего Востока практически совпадает (положительный, но не яркий образ), то образ этой формы протеста у представителей поколения «Y» двух регионов различен.

Для поколения «Y» Москвы это честная, открытая, активная и справедливая форма протеста (как и для поколения «Z»).

При этом поколением «Y» Дальнего Востока забастовка, напротив, оценивается как «агрессивная» и «злая» форма протеста. Молодёжь поколения «Y» Дальнего Востока не считает забастовку открытой, справедливой, свободной и честной. Для этого поколения данная форма протеста скорее всего оценивается с негативным оттенком.

При этом обоими поколениями типичная забастовка воспринимается как «не красивая».

Оба поколения молодёжи Москвы считают её «не чужой», т. е. в семантической оппозиции «свой – чужой» забастовка воспринимается скорее как «своя». Для Дальнего Востока не было чёткой оценки по этой шкале.

Причиной данных различий в представлениях о забастовках может быть более острая и жёсткая форма протекания забастовок на периферии, где трудовые конфликты меньше регулируются законом (Дальний Восток имеет большие проблемы с исполнением норм закона, на что обращал внимание и президент России).

Представление о бунте

Бунт оценивается двумя поколениями согласованно как активная и сильная форма протеста. Во всех выборках он оценивается как активный, агрессивный, сильный, твёрдый и большой. Такой состав дескрипторов говорит о выраженности категорий силы и активности в образе бунта.

Также согласованно он воспринимается как «не лицемерный» и «не корыстный», причём у младшего поколения обоих регионов эта оценка более выраженная. Не коррумпированным его считают все выборки, кроме поколения «Y» Дальнего Востока. То есть по оси «лицемерия и корыстности» бунт получит отрицательную оценку.

Данная форма протеста оценивается как «злая» и «агрессивная», причём степень согласованности выше у старшего поколения. Только в выборке поколения «Z» Москвы дескриптор «злой» отсутствует.

Наличие дескрипторов «сильный» и «агрессивный», в составе семантической универсалии стимула «бунт» позволяет говорить о том, что по фактору «силы и агрессивности» бунт будет оцениваться положительно. Молодёжь осознает силу и разрушительный потенциал этого явления.

Бунт для молодёжи обоих поколений одновременно «не привлекательный» и «не красивый». Кроме того, в образе бунта отсутствуют привлекательные для молодёжи признаки честности и интеллектуальности. Данная форма протеста непривлекательна и нежелательна как для поколения «Z» так и для поколения «Y».

Но в то же время бунт согласованно оценивается как не лицемерный, и не корыстный. Также он оценивается во всех четырёх выборках как «не чужой» в дихотомии «свой-чужой». Готовность молодёжи оценивать бунт больше как «свой», чем «чужой», несмотря на его осознаваемую непривлекательность, может означать, что при определенных условиях она может принять эту форму протеста и подключиться к ней.

Как мы полагаем, образ такой формы протеста, как бунт, у молодёжи обоих поколений амбивалентен. При непривлекательности и осознаваемой опасности эта форма для респондентов «не чужая» и воспринимается как несущая большой потенциал силы и активности.

Образ восстания

Восстание оценивается двумя поколениями согласованно как активная, большая и сильная форма протеста.

Также согласованно оно воспринимается как «не лицемерное» и «не корыстное». То есть по оси «лицемерия и корыстности» восстание получит отрицательную оценку.

Оба поколения согласованно оценивают восстание как «не привлекательное» и «не красивое».

Всеми выборками восстание оценивается как агрессивное явление.

Однако в трёх выборках из четырёх (кроме поколения «Y» Дальнего Востока) восстание оценивается как и «не бессмысленное», и «не чужое». То есть в дихотомии бессмысленный-осмысленный для молодёжи восстание скорее осмысленное явление.

В образе восстания заметны серьёзные различия между регионами по поколению «Y». Так, поколением «Y» Москвы восстание оценивается амбивалентно, как агрессивная, но не чужая и не бессмысленная форма протеста.

В отличие от Москвы поколением «Y» Дальнего Востока оно также оценивается как злая и страшная форма политики. Кроме того, поколением «Y» Дальнего Востока оно воспринимается как «не интеллектуальное», а дескриптор «не чужой» пропадает. Таким образом, восстание воспринимается поколением «Y» Дальнего Востока резко отрицательно. Наше исследование показало, что у молодёжи Москвы образ восстания оказался относительно более позитивным, чем у дальневосточной. Как представляется, на это может влиять осознание своего уязвимого положения жителями периферии (несмотря на их протестность), а также интуитивно воспринимаемая слабость государства

В целом, у трёх выборок, кроме поколения «Y» Дальнего Востока, образ восстания амбивалентен. Это непривлекательная, агрессивная, но и в максимальной степени сильная и активная форма протеста, воспринимаемая молодёжью как не чужая и не бессмысленная. Как мы полагаем, на глубинном уровне эта политическая форма может быть принята молодёжью обоих регионов поколения «Z». Для поколения «Y» Москвы это также может стать приемлемой формой протеста в самом крайнем случае.

Заключение

Таким образом, применение психосемантического инструментария позволило реконструировать и описать категориальную структуру протестного сознания двух поколений молодёжи, чья активность играет особую роль в протестных акциях. Метод семантических универсалий дал возможность определить основные характеристики представления о ведущих формах протестной активности.

Как показал проведённый анализ, в протестном мышлении обоих поколений наличествуют три основные оси оценивания протеста.

Первый реконструированный фактор, наиболее актуальный при оценивании различных форм протеста у молодёжи, состоит из дескрипторов: интеллектуальный, честный, свободный, справедливый и открытый. Фактор включает наиболее значимые для молодых людей положительные качества разных форм протестных явлений. Обладание этими качествами делает протест привлекательным. Они «легитимизируют» протест. И наоборот – если со стороны потенциального участника возникнет мнение о нарушении справедливости (интеллигентности, честности и т. д.), протест потеряет свою привлекательность.

Вторая ось оценивания протестных явлений – фактор «Лицемерия и корыстности». Любая форма протеста оценивается молодёжными группами с позиции наличия или отсутствия у протеста (его организаторов и участников) личной корыстной заинтересованности. Приписывание протестующим или организаторам протеста таких качеств, как личная корысть и лицемерие, формирует непривлекательный образ протеста, делает его для стороннего наблюдателя и потенциального участника «чужим», позволяет оценивать само протестное явление негативно (агрес-

сивный и страшный) или обесценивать его (характеризовать протест как бессмысленный). Данные признаки связаны в сознании молодёжи с такой характеристикой, как коррумпированность.

Третья ось оценивания протестных явлений была обозначена как фактор «Силы и агрессивности». Она отражает взаимосвязь в сознании молодых людей силы и разрушительного потенциала протеста. Чем масштабнее, сильнее, больше и активнее протест, тем более злым и агрессивным он представляется молодёжи.

Однако наличие в составе фактора шкал свободный и справедливый (с меньшим факторным весом) показывает, что агрессивность может быть при определённых условиях легитимной. Проведённая реконструкция протестного мышления позволяет говорить об амбивалентности оценки протеста молодёжью: молодёжь чувствует связь между увеличением масштаба протеста с его агрессивностью и злостью, но одновременно такой протест повышенной силы и масштаба может стать более привлекательным для молодёжи как своей силой, так и справедливостью, открытостью и свободой.

Таким образом, метод факторного анализа позволил выявить актуальные для групп молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» три интегральные оси (шкалы) оценивания различных форм протестной активности. Данные шкалы опосредуют формирование отношения молодёжи к протесту.

Знание категориальной структуры протестного сознания молодёжи, понимание структуры и содержания имплицитных субъективных шкал оценивания различных форм протеста молодёжью позволяют моделировать ситуации генезиса и развития протестов, осуществлять прогноз и оценку социальной динамики.

Применение метода расчёта семантических универсалий позволило выявить восприятие студенческой молодёжью разных форм протеста, определить, чем представление о мирных, ненасильственных формах протеста отличается от представления об его радикальных формах.

В целом безусловно положительное отношение у молодёжи к петиции и митингу. Эти формы протестной активности согласованно оценивались положительно во всех выборках. При этом поколение Y более сдержанно оценивает митинг, а младшее поколение скорее идеализирует его. Образ забастовки в основном положительный, но есть особенности восприятия в разных регионах.

Наиболее положительный образ у петиции – эта форма протеста получила наибольшее количество согласованно положительных характеристик у всех выборок молодёжи.

Образ насильственных радикальных форм протеста, бунта и восстания заметно отличается от образа остальных форм протестной активности.

Прежде всего, эти формы в наибольшей степени воспринимаются как сильные и активные среди всех форм протеста. Также молодёжь высоко оценивает их масштабность («большие»). Эти формы, кроме того, согласованно оцениваются как непривлекательные и некрасивые. Также молодёжь всех выборок считает их крайне агрессивными.

Но негативные коннотации не означают неприемлемость насильственных форм протеста. Смысловой анализ показал амбивалентность в образе бунта и восстания. Респонденты в трёх выборках из четырёх считают их не чужими, не бессмысленными и не лицемерными. Для молодёжи это обладающие большой силой и масштабом, крайне агрессивные и не привлекательные, но не чужие и не бессмысленные формы протеста. Не чужой, не лицемерный и не коррумпированный радикальный протест может получить доверие этих молодёжных групп в ситуации, которая заставит принять его непривлекательный и агрессивный характер.

Обращает на себя внимание также общая оценка всех форм протеста (за единичным исключением) во всех выборках как «не чужих». Молодые люди, как мы полагаем, допускают для себя возможность включиться в протест, даже радикальный. Условием участия в мирном протесте является его положительная оценка по оси «интеллектуальности и честности», и напротив, отрицательная оценка по оси «лицемерия и корыстности». То есть в данном случае важна рациональная оценка протеста.

Условия для участия в насильственном протесте связаны скорее с его аффективной составляющей, с особым накалом негативных эмоций, который может сделать приемлемым обычно непривлекательные «агрессивные» формы протестного поведения. Кроме того, нами замечена и склонность респондентов поколения «Z» видеть связь между масштабом и силой протеста с его справедливостью и свободой.

Можно отметить, что в ряде случаев представители поколения «Z» оценивают как мирные (митинг), так и насильственные формы протеста более положительно (в том числе у них степень выраженности положительных оценок выше) в сравнении с более сдержанными и неоднозначными оценками поколения «Y». Это может быть связано с идеализацией протеста центениалами, его созвучием возрастным особенностям данного поколения. Напротив, имеющие больше жизненного и политического опыта, в большей степени склонные руководствоваться рассудком молодые люди поколения Y проявляют больше сдержанности в оценках протестных форм.

Таким образом, в результате нашего исследования были выявлены структурно-содержательные характеристики протестного менталитета молодёжи поколения «Y» и поколения «Z» (с применением факторного анализа данных семантического дифференциала, расчёта семантических универсалий и сравнительного анализа данных этих двух методов). Полученные результаты могут представлять интерес для органов государственной власти, политических партий, неправительственных организаций, образовательных учреждений.

Библиографический список

1. Акунина Ю. А. Молодёжные движения современной России: протест и созидание // Вестник МГУКИ. 2011. № 3 (41). С. 123–127.

2. Артюхина В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046
3. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152.
4. Бушуев Д. В. Специфика протестной активности российской молодёжи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дис.... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2012. 15 с.
5. Волков Д. В. Протестные митинги в России конца 2011–начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73–86.
6. Габа О. И. Молодёжь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151.
7. Гаранин О. Ю. Протестная активность молодёжи в условиях политической модернизации современной России: Автореф. дис.... канд. полит. наук. Краснодар, 2010. 28 с.
8. Зверев А. Л., Палитай И. С., Рогозарь А. И., Смутькина Н. В. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.
9. Красин Ю. А. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 92–99.
10. Марин Е. Б. Представление о социальном протесте у молодёжи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 62–92. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699
11. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 47–59.
12. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. С. 480.
13. Петренко В. Ф., Гладких Н. Ю., Митина О. В. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. 2016. Серия 14. Психология. № 2. С. 64–87.
14. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: МГУ, 1997. 213 с.
15. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 16. Психология. Педагогика. № 3. С. 27–40.
16. Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантический подход в реконструкции политического менталитета: методы и примеры исследований // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 50–64. DOI: 10.7868/S086958731701008X

17. Петрушина А. В. Протестное участие молодёжи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 337–346.

18. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029

19. Салахутдинова Р. Х. Факторы формирования протестного поведения молодёжи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.

20. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учеб. пособие для вузов. М.: ПЧЕЛА, 2008. 378 с.

21. Серкин В. П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 74–79.

22. Серкин В. П. Решение задачи о случайности/не случайности ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 22–31.

23. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2014. № 1. С. 103–107.

24. Шестопал Е. Б., Нестерова С. В. и др. Образы кандидатов в президенты 2012 в массовом сознании // Власть. 2012а. № 3. С. 186–190.

25. Шестопал Е. Б., Новикова-Грунд М. В. Восприятие образов двенадцати ведущих российских политиков (психологический и лингвистический анализ) // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 168–191.

26. Шестопал Е. Б., Шутов А. Ю. и др. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов // Полис. Политические исследования. 2012б. № 4. С. 160–174.

27. Шмелёв А. Г., Похилько В. И., Козловская-Тельнова А. Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике. Тезаурус личностных черт. М.: МГУ, 1988. 208 с.

28. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. № 4. P. 280–296.

29. Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. № 134. P. 504–535.

30. McClurg S. D. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation // Political Research Quarterly. 2003. № 56. P. 448–464.

31. Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action // *American Sociological Review*. 2008. № 73. P. 992–1012. DOI: 10.1177/000312240807300606

32. Van Stekelenburg J., Klandermans B., Van Dijk W. W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. *Revista de Psicologia Social*. 2011. № 26. P. 91–104. DOI: 10.1174/021347411794078426

33. Van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. № 5–6. P. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314

34. Wright S. C., Taylor D. M., Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality // *Social Justice Research*. 1990. № 4. P. 229–250.

35. Kamans E., Otten S., Gordijn E. H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2011. № 14. P. 293–310.

Статья поступила 2.08.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент, Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия; кафедра истории, политологии и государственно-правовых дисциплин, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; Департамент психологии и образования, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

The Structure of Protest Thinking and the Idea of Social Protest of the Youth Generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow

Funding. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31-518.

Egor B. Marin^{1, 2, 3}

¹The Maritime State University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia

²Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

³Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

E-mail: egor-marin@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest of the youth generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022. Vol. 13. No. 1. P. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776

Abstract. In the course of the study, a reconstruction of the respondents’ ideas about five forms of collective protest behaviour was carried out: petition, rally, strike, riot and uprising using a private semantic differential (SD) to assess the protest.

The obtained raw SD data were processed using the method of factor analysis, as well as the method of calculating semantic universals. The factorisation method allowed to reveal the internal implicit data structure, reducing a large volume of information to several factors. Semantic universals are group-agreed assessments of the stimulus according to the SD scales, that reflects general for all respondents ideas about the stimulus.

The article presents an analysis of the categorial structures of the protest consciousness of two generations of young people, whose activity plays a special role in protest actions: representatives of the generation “Y” (or millennials) and representatives of the generation “Z” (or centennials).

The method of factor analysis allowed to identify three integral axes (scales) for evaluating various forms of protest activity that are relevant for the youth groups of generation “Y” and generation “Z”. These scales mediate the formation of youth attitudes towards protest. Knowledge of the categorial structure of the protest consciousness of young people, understanding the structure and content of implicit subjective scales for evaluating various forms of protest by young people, allows us to model situations of the genesis and development of protests, to predict and evaluate social dynamics. Analysis of the ideas about protest forms showed an unconditionally positive attitude of young people to the petition and the rally. These forms of protest activity were consistently evaluated positively in all samples. The image of the strike is mostly positive, but there are peculiarities of perception in different regions. The image of violent radical forms of protest, rebellion and uprising differs markedly from the image of other forms of protest activity.

First of all, these forms are most perceived as strong and active among all forms of protest. Also, young people highly evaluate their scale (“large”). These forms, moreover, are consistently rated as neither attractive nor beautiful. Also, the youth of all samples consider them extremely aggressive. But the negative connotations do not mean that violent forms of protest are unacceptable. The semantic analysis showed the ambivalence of the content of the images of rebellion and uprising. Respondents in three out of four samples do not consider them alien, senseless or hypocritical. For young people, these forms of protest have great power and scale, are extremely aggressive and not attractive, but are not alien or senseless.

Keywords: protest, political consciousness, psychosemantics, Far East, Moscow, youth, generation “Y”, generation “Z”

References

1. Akunina J. A. Molodezhnye dvizhenija sovremennoj Rossii: protest i sozidanie [Youth movements in modern Russia: protest and creativity]. *Vestnik MGUKI*, 2011: 3 (41): 123–127 (in Russ.).
2. Artyuhina V. A. Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 30–34 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517110046
3. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoj aktivnosti naselenija Rossii [The method of analysis of protest activity of the population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 10: 143–152 (in Russ.).
4. Bushuev D. V. Specifika protestnoj aktivnosti rossijskoj molodezhi v sovremennom transformirujushhemsja obshhestve [The specifics of the protest activity of Russian youth in contemporary transforming society]: avtoref. dis.... kand. sociol. nauk. Rostov-on-Don, 2012:15 (in Russ.).
5. Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii konca 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskikh institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2012: 2 (112): 73–86 (in Russ.).
6. Gaba O. I. Molodezh' kak sub'ekt protestnyh nastroenij [Youth as a subject of protest]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015: 1: 144–151 (in Russ.).
7. Garanin O. Y. Protestnaya aktivnost' molodezhi v usloviyah politicheskoy modernizacii sovremennoj Rossii [Protest activity of youth in the context of political modernization of modern Russia]: Avtoref. dis.... kand. polit. nauk. Krasnodar, 2010: 28 (in Russ.).
8. Zverev A. L., Palitaj I. S., Rogozar' A. I., Smul'kina N. V. Specifics of political perception in contemporary Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 40–54 (in Russ.).
9. Krasin Ju. A. Fenomen ulichnyh protestov i koleja rossijskogo vybora [The phenomenon of street protests and Russian choice track]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2012: 3: 92–99 (in Russ.).
10. Marin E. B. The idea of social protest among the youth of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 62–92 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.699

11. Nazarov M. M. Politicheskij protest: opyt jempiricheskogo analiza [Political protest: an empirical evidence]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995: 1: 47 (in Russ.).
12. Petrenko V. F. Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of psychosemantics]. St. Petersburg, Piter, 2005: 480 (in Russ.).
13. Petrenko V. F., Gladkih N. Ju., Mitina O. V. Psychosemantic analysis of political leaders perception (on the data of South Korea students). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14. Psihologija*, 2016: 2: 64–87 (in Russ.).
14. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psihosemanticheskij analiz dinamiki obshhestvennogo soznaniya [Psychosemantic analysis of the dynamics of public consciousness]. Moscow, MGU, 1997: 213 (in Russ.).
15. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psychosemantic analysis of the political mentality of society. *Vestnik SPbGU. Ser. 16. Psihologija. Pedagogika*, 2015: 3: 27–40 (in Russ.).
16. Petrenko V. F., Mitina O. V. Psychosemantic approach to reconstruction of political mentality: research methods and examples. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, 2017: 87: 1: 50–64. (in Russ.). DOI: 10.7868/S086958731701008X
17. Petrushina A. V. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve [The protest participation of young people in contemporary Russian society]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011: 1: 337–346 (in Russ.).
18. Radaev V. V. Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030029
19. Salahutdinova R. H. The Factors of formation of the protest behavior of young people in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012: 4: 12: 4: 167–173 (in Russ.).
20. Serkin V. P. Reshenie zadachi o sluchajnosti / ne sluchajnosti asociacij: kriterij ocenki i validnyj nabor asociacij [Solving the problem of randomness / non-randomness of associations: evaluation criteria and a valid set of associations]. *Psihodiagnostika*, 2009: 4: 24 (in Russ.).
21. Serkin V. P. Metody psihologii sub#ektivnoj semantiki i psihosemantiki: Ucheb. posobie dlja vuzov [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics: Textbook manual for universities]. Moscow, PChELA, 2008: 378 (in Russ.).
22. Serkin V. P. O vozmozhnostyah metoda semanticheskikh universalij E. Yu. Artem'evoj [On the possibilities of the method of semantic universals by E. Y. Artemyeva]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologiya*, 2000: 2: 74–79 (in Russ.).
23. Solomatina E. N. Social protests in the modern world: sociological analysis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija Social'nye nauki*. 2014: 1: 103–107 (in Russ.).
24. Shestopal E. B., Novikova-Grund M. V. Vosprijatie obrazov dvenadcati vedushhih rossijskikh politikov (psihologicheskij i lingvisticheskij analiz) [Perception of the images of the twelve leading Russian politicians (psychological and linguistic analysis)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1996: 5: 168–191 (in Russ.).
25. Shestopal E. B., Nesterova S. V., Bukreeva O. V., Smul'kina N. V., Zaton'skih A. V., Titov V. V. Obrazy kandidatov v prezidenty 2012 v massovom soznanii [Images of presidential candidates 2012 in the public mind]. *Vlast'*, 2012: 3: 186–190 (in Russ.).
26. Shestopal E. B., Shutov A. Ju., Volodenkov S. V., Gaman-Golutvina O. V., Lapkin V. V., Makarenko B. I., Mezhuev B. V., Mel'vil' A. Ju., Smul'kina N. V., Nesterova S. V. Obrazy liderov v massovom soznanii nakanune prezidentskikh vyborov [Images of leaders in the public mind on the eve of the presidential election]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2012: 4: 160–174 (in Russ.).
27. Shmelev A. G., Pohil'ko V. I., Kozlovskaja-Tel'nova A. Ju. Praktikum po jeksperimental'noj psihosemantike. Tezaurus lichnostnyh chert. [Workshop on experimental psychosemantics. Thesaurus of personality traits]. Moscow, 1988: 118 (in Russ.).
28. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation. *Sociometry*. 1959: 22: 4: 280–296.
29. Van Zomeren M., Postmes T., and Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 2008: 134: 504–535.
30. McClurg SD. Social networks and political participation: The role of social interaction in explaining political participation. *Political Research Quarterly*, 2003: 56: 448–464.

31. Klandermans B., Van der Toorn J. and Van Stekelenburg J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances action. *American Sociological Review*, 2008: 73: 992–1012. DOI: 10.1177/000312240807300606
32. Van Stekelenburg J., Klandermans B. and Van Dijk W. Combining motivations and emotion: The motivational dynamics of collective action participation. *Revista de Psicologia Social*, 2011: 26: 91–104. DOI: 10.1174/021347411794078426
33. Van Stekelenburg Jacqueliën; Klandermans Bert. The social psychology of protest. *Current Sociology*, 2013: 61: 5–6: 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314
34. Wright S. C., Taylor D. M. and Moghaddam F. M. The relationship of perceptions and emotions to behavior in the face of collective inequality. *Social Justice Research*, 1990: 4: 229–250.
35. Kamans E., Otten S. and Gordijn E. H. Threat and power in intergroup conflict: How threat determines emotional and behavioral reactions in powerless groups. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2011: 14: 293–310.

The article was submitted on: August 02. 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
The Maritime State University Named After Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia;
Department of History, Political Science and State and Legal Disciplines,
Associate Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Department of Psychology and Education, Vladivostok State University of Economics
and Service, Vladivostok, Russia